

Кое-что о том самом и не только...
(Путешествие на Марс в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДИМА
СЕРЕГА
ВОВКА
ЯРОСЛАВ
КУКА
БАБА ЛЮБА
ЯДВИГА
ГАЛЯ
ОЛЯ

ДИМА. Вы не обращайтесь на меня внимания. Рассаживайтесь, программки читайте. Я тут немного посижу, пока не началось. Просто мне что-то с вами поговорить захотелось. А то обычно все уже начнется, а ты ни с кем и не поговорил. О том, что надо. Не кое о чем, а именно о том самом. Вот, к примеру, смотрю я на вас и удивляюсь. Нет, серьезно. Зачем вы пришли? Вы что, не знаете, что вас сейчас обманывать будут? Знаете. Каждому известно, что в театре никакой правды нет и быть не может, один сплошной вымысел. Персонажи ненастоящие, любовь притворная, героизм липовый. Вам за ваши же деньги наврут, а вы потом еще и в ладоши хлопать будете. Ведь знаете, что все неправда, а все равно будете. Значит, вы пришли именно затем, чтобы вас обманули, так что обман это честный. Но я не об этом сейчас хотел поговорить. Меня попросили напомнить, чтобы вы отключили мобильные. Но я же не мог выйти и просто сказать: «Отключите мобильные!» Нужно было сначала что-то умное произнести. Правда, лично я считаю, что просить выключить мобильные – это пустая трата времени. Все равно найдется зритель, который этого не сделает. Ну хоть один, да найдется. Вот увидите! Но я не про это хотел поговорить. Я тут на репетицию опоздал. Хотя, не важно. Это, как раз, кое-что, а я хотел о том самом. Неожиданно обнаружилось, что я вырос. Нет, не только в росте. Просто стал взрослым. Так долго хотел побыстрее вырасти и вдруг, раз и сразу вырос. Детство как-то неожиданно кончилось. Я думал, что это то самое, что я хочу, а оказалось, что я кое-чего до сих пор не понимаю. Вот был у меня друг в старом дворе. Он самый настоящий ботаник, каких в анекдотах описывают. ВОВКА.

ВОВКА. Хорошо, что я тебя обнаружил. Чертежи звездолета полностью готовы. Если ты сегодня экспроприруешь у бабушки вентилятор, то мы, несомненно, будем на Марсе уже в следующую пятницу.

ДИМА. Так было всегда. ВОВКА придумывал невероятный проект, а все должны были снабжать его бытовыми приборами, позаимствованными дома. Правда, ни одно его изобретение не полетело, не поплыло и даже ни разу не было окончательно собрано.

ВОВКА. Да! Но это только потому, что вы никогда полностью не обеспечивали меня нужными запчастями! Но этот звездолет полетит! Кстати, а с кем ты там разговариваешь?

ДИМА. Я вас предупреждал, что это обман? Он делает вид, что вас нет. Но так нужно. Потерпите, пожалуйста. Вов, я с бабушкой разговариваю, она мне вентилятор только на день может дать. Потом нужно вернуть.

ВОВКА. Ладно. Только день пусть будет галактический. Мы его вернем сразу после завершения межпланетного путешествия. Клянусь Андромедой!

ДИМА. Он всегда клялся Андромедой. И мы ему верили. Только сейчас я понимаю, что вентилятор никак не мог пригодиться в полете на Марс, а тогда мне казалось, что это то самое. То самое, что нужно. И я его спер!

ВОВКА. Молодец! Я дам тебе подержать штурвал корабля в безвоздушном пространстве. Встречаемся за гаражами после обеда. Можешь меня не благодарить. Я ушел работать над чертежами. Имей в виду, что для звездолета может понадобиться еще и утюг!

ДИМА. Вовка! Без него я не мог представить своей жизни. Но хуже, чем без него, мне было без Галки. Она, правда, была очень странная.

ГАЛЯ. Ой! Димка! Посмотри, какая у меня косынка! Красивая? Димка, ты, что такой грустный?

ДИМА. Димкой зовут меня. Ну, не по правде, а так придумано. Настоящее мое имя в программке есть, потом прочтаете. А сейчас я Димка.

ГАЛЯ. Отстань от меня, я к тебе не подходила. Что тебе? Не трогай мою косынку!

ДИМА. Я никогда не понимал, что она хочет. Казалось, что делаю то самое, о чем она просит, а она всегда чем-то недовольна.

ГАЛЯ. Не хочу с тобой разговаривать. Я на тебя обиделась! Мне к маме нужно. И не смей за мной ходить!

ДИМА. Как я мог за ней не ходить? Мы жили на одной лестничной клетке. Ее квартира напротив моей. Я был уверен, что она та самая, без которой мне не прожить и дня...

СЕРЕГА. Оба-на! Димон, а где мое мороженое? Че проспорил, то отдал! Стоять, не писаться!

ДИМА. СЕРЕГА! Я его боялся, как огня. Хотя огня-то я никогда не боялся. А Серегу, кажется, до сих пор боюсь. Он был не просто хулиганом, от него исходила энергия какой-то невиданной силы. Я был не слабее его, выше, но я боялся, а он нет. Казалось, что это та самая сила.

СЕРЕГА. Много лишнего балаболишь! Мороженое принесешь за гаражи, мне там Вован пропеллер отдать должен. И только попробуй не прийти! Пожалеешь!

ДИМА. Вы, конечно, понимаете, что это все обман. Но я лучше пойду туда. А то мало ли что СЕРЕГА сделает. Возьмет, да и правда отберет у Вовки вентилятор. И мы опять не улетим на Марс. Да, чуть не забыл про мобильные. Вы уж лучше выключите их. Когда я был маленький, ничего такого еще не придумали.

ОЛЯ. ДИМА! ДИМА! Дим! Дим! Дим!

ДИМА. Вы не представляете, как она меня достала! Это ОЛЯ. Она совсем маленькая и невероятно доставучая. Отвязаться от нее невозможно.

ОЛЯ. Дим! Дим! Дим!

ДИМА. Куда бы я ни шел, чтобы я ни делал, она всегда появлялась неожиданно и начинала требовать, чтобы я с ней поиграл.

ОЛЯ. Дим! Ну, Дим! Ну, Дим! Дим!

ДИМА. Можно было не обращать на нее внимания, но она все равно продолжала.

ОЛЯ. Ну, Дим! Ну, Дим! Дим! Дим! Дим! Дим!

ДИМА. Можно было попробовать ответить. Привет, Оль! Привет, я спешу.

ОЛЯ. Танцуй! Ну, танцуй! Танцуй, танцуй, танцуй!

ДИМА. За год до этого дня я совершил непростительную глупость. Она сидела такая грустная и одинокая в песочнице, что мне стало ее жалко. Делать было нечего. И я решил развеселить ее. С тех пор, как только она меня встречает...

ОЛЯ. Танцуй! Дим, ну танцуй! Танцуй, танцуй, танцуй!

ДИМА. Оль, я не могу, мне нужно идти.

ОЛЯ. Куда? Куда? Ну, куда? А? Куда? Куда? Куда?

ДИМА. Был только один безотказный вариант отвязаться от нее. Это убежать. Она была маленькая и бегала очень медленно. Я, естественно, убежал.

ОЛЯ. ДИМА-а-а!

ДИМА. Но она начинала плакать, и я всегда возвращался. Оль, ну не надо! Пойдем со мной. Хочешь конфетку? Смотри, какая вкусная. Ам-ням-ням!

ОЛЯ. Дай!

ДИМА. Приходилось отдавать ей конфеты, которые казались мне тогда драгоценными, и танцевать. Хорошо, что никто этого не видел. Ну что, идешь со мной?

ОЛЯ. Куда?

ДИМА. За гаражи. Там ВОВКА ждет. Ну и СЕРЕГА...

ОЛЯ. Нельзя! Мама а-та-та!

ДИМА. Правильно! Погуляй пока здесь. А я сбегаю за гаражи и вернусь, потом вместе куличики поделаем. Хорошо?

ОЛЯ. Дима! Дима! Дим! Дим! Дим!

ДИМА. Она была явно влюблена в меня. Но нас разделяла пропасть – огромная разница в возрасте. Целых три года. Мне уже почти стукнуло семь, а ей было всего четыре. Она не могла быть моей девушкой. Тем более что я

со дня на день собирался жениться на Гале. Только не знал, как сказать об этом родителям.

ЯРОСЛАВ. Дмитрий! Вы не видели Галину? Она пригласила меня на прогулку, но что-то опаздывает.

ДИМА. Вот кому я очень завидовал, так это ЯРОСЛАВу. Его папа работал дипломатом в волшебной загадочной и красивой стране. Как дела у папы?

ЯРОСЛАВ. Папа пишет, что обстановка в Монголии спокойная. Так, где Галина?

ДИМА. И еще мне всегда хотелось дать ему в морду. Но я не знал за что. За Галю нечестно, за богатого папу несправедливо, за смазливую внешность стыдно, а за то самое – непонятно. Но очень хотелось!

ЯРОСЛАВ. Ладно, увидишь Галину, передай, что я жду ее у качелей. И не забудь сказать, что нехорошо опаздывать на свидание.

ДИМА. Очень хотелось!

СЕРЕГА. Димон! Долго тебя ждать?

ДИМА. Бегу!

БАБА ЛЮБА. Стоять! Куда же ты, дура такая, вентилятор подевал?

ДИМА. БАБА ЛЮБА! Послушай, Ба, я не дура. А вентилятор ты мне сама на целый день отдала.

БАБА ЛЮБА. Ты мне сказки не рассказывай! Я тебе, дуре, что разрешила? Чтобы ты вентилятор из дома выносил? Я тебе в комнате поиграть им дала! А ты, куда его дел?

ДИМА. Баба Люб! Он мне дома не нужен, я его ненадолго Вовке отнес. Ты же сама сказала, что он плохо дует, а ВОВКА починит.

БАБА ЛЮБА. Чинят карандаши, а тут ремонт нужен. Ты, дура, ему, когда пылесос сделать отдал? Месяца два уже прошло. И где он? Где? Что я твоему папаше скажу?

ДИМА. Баба Люб, ты не нервничай. Тебе сердце беречь надо! Я, ведь, люблю тебя! Одну минуту! Это важно. БАБА ЛЮБА не была моей настоящей бабушкой. Просто родители всегда пропадали на работе, а ее за какие-то небольшие деньги позвали следить за мной. Она весь день сидела в нашей квартире, вязала носки собственным внукам и ругала все, что видит вокруг. Я ее не любил. Она это знала, но каждый раз, когда я говорил ей те самые слова, терялась и давала мне на мороженое. Вот, смотрите. Баба Люб, я тебя люблю!

БАБА ЛЮБА. Ой, Митька. Дура ты, Митька. Небось, мороженого хочешь? Ну не стой тут подле меня, беги. Да осторожней, дорогу не переходи.

Славный мальчик, не то, что мои оболтусы. Слова доброго от них не дождешься. Побросали нас, пенсионеров, да не стыдно им. Плевать им всем на нас. Ты тут, хоть сдохни, а никому дела нет. Ох, Митька, Митька...

ВОВКА. Подожди, Серег! Я тебе вентилятор проспорил, конечно, но отдать пока не могу. Он часть общей конструкции звездолета. Без этого прибора весь проект не состоится.

СЕРЕГА. Мне твой пропеллер на фиг не нужен. Это дело принципа! Давай, давай!

ДИМА. Серег! погоди, я тебе мороженое принес! Быстрее, а то тает уже!

СЕРЕГА. Ладно, Вован, твое счастье! Живи, пока я Димоново мороженое есть буду. Живи и думай, чем ты мне за свой пропеллер заплатишь.

ВОВКА. Дим, ты только не злись на меня. Только не злись...

ДИМА. Ты соображаешь, с кем споришь?

ВОВКА. Я, возможно, не прав, но почему он сейчас твое мороженое ест?

ДИМА. Мороженое не часть звездолета!

ВОВКА. Это, как посмотреть. Я еще не занимался глобальными разработками межпланетного топлива.

ДИМА. Вов, не надо. Давай про вентилятор. Ты уверен, что без него не обойтись?

СЕРЕГА. Вкусно! Но тает очень быстро. Димон, то, что капает не в счет. С тебя еще полмороженого.

ВОВКА. Совсем обнаглел! Давай дадим ему сдачи. Пока ты будешь его бить, я дострою звездолет, а когда он очухается, мы быстренько улетим.

СЕРЕГА. Что-то я не слышу ответа...

ВОВКА. Давай, Дим, ты его обязательно победишь. Ты объективно сильнее.

ДИМА. Ты думаешь?

ВОВКА. Точно! Клянусь Андромедой!

СЕРЕГА. Хорошо шушукаться! Давай сюда пропеллер, а ты за мороженым дуй! Ну, что вылупились?

ВОВКА. Ну, скажи ему. И сразу в нос! Только не трусь.

ДИМА. Слушай, Серег. Мы тут подумали... Вентилятор мы тебе не отдадим. И мороженого ты тоже больше не получишь. Понял?

СЕРЕГА. Что? Ты что, сынок? Ты это кому сказал? А ну повтори!

ДИМА. Повторить? Могу и повторить... Честно говоря, повторять мне тогда ничего не хотелось. Наоборот очень подмывало отдать этот дурацкий вентилятор и тут же сбегать за мороженым. Но за моей спиной стоял Вовка, он верил в меня. Хотя, нет, дело было в чем-то другом. В том самом, чего я объяснить не могу, но тогда чувствовал всем своим дрожащим от страха организмом. Я собрался с силами и повторил.

ВОВКА. Дим, не расстраивайся. Сегодня он тебя, завтра ты. Главное, что мы вентилятор не отдали. Только не злись. Я же не потому убежал, что помочь тебе не хотел. Я хотел. Просто двое на одного – это нечестно. Клянусь Андромедой!

ДИМА. Ладно, не клянись. Теперь это уже не важно. Ты лучше придумай, что я Бабе Любе скажу? Смотри, рубашка вся драная...

ЯДВИГА. Вовочка!

ВОВКА. Кто это? Не может быть! Враги узнали путь к тайной пещере!

ЯДВИГА. Димочка!

ДИМА. В этот момент мы прятались в пустой железной бочке, которую считали нашим тайным заветным местом. Она лежала прямо у въезда в гаражи, но нам казалось, что там мы полной безопасности.

ЯДВИГА. Я знаю, что вы там. Если бы мама не запретила мне в новом платье лазить по помойкам, то я бы сама вас оттуда достала. Вылезайте!

ВОВКА. Дим! Нужно сделать вид, что нас нет. Давай прикинемся шлаком!

ДИМА. Чем прикинемся?

ВОВКА. Отработанным углем. Она нас ни за что не узнает.

ДИМА. Можно, но как это сделать?

ВОВКА. Показываю.

ЯДВИГА. Долго мне еще ждать? Или за Бабой Любой сбегать?

ДИМА. Вов, я думаю, что если БАБА ЛЮБА увидит меня в рваной рубашке, да еще и в позе отработанного угля, то ремня мне точно от отца не избежать. Сегодня, к тому же пятница. А в пятницу он, сам знаешь, как положено.

ЯДВИГА. Я пошла за Бабой Любой! Я пошла, пошла, пошла...

ВОВКА. Подожди! Я вылезая. Стой!

ДИМА. Рассекретила наше убежище девочка с очень неудобным именем. Ну, понимаете, для ускорения общения имена обычно сокращаются. Ольге можно сказать: «Привет, Оль!», Галине: «Галь, здравствуй!», ну и так далее – Вов, Дим, Слав... С ней так не получалось. Ее звали Ядвигой.

ВОВКА. Подожди, послушай меня! Я ведь к тебе обращаюсь.

ЯДВИГА. К кому это к тебе?

ВОВКА. Как к кому? Тут больше никого, кроме тебя нет.

ЯДВИГА. Как нет? Вон Димка в бочке сидит.

ВОВКА. Это не он, это отработанный уголь, а точнее шлак!

ЯДВИГА. Ладно, пусть сидит. К нему у меня пока претензий нет.

ВОВКА. А ко мне что, есть?

ЯДВИГА. Да слышала я тут кое-что...

ДИМА. Слышала она всегда и все! Мало того, этой информацией она делилась с окружающими. За несколько конфет или шоколадку вы могли узнать о политической обстановке в мире или выяснить, сколько получает отец ЯРОСЛАВа, а заодно почему новый сантехник так часто ходит именно в семнадцатую квартиру.

ЯДВИГА. Во-первых, ты уговорил Димку стащить вентилятор!

ВОВКА. Неправда! БАБА ЛЮБА сама его отдала, добровольно!

ЯДВИГА. Во-вторых, мама ЯРОСЛАВа никак не может найти зонтик, привезенный из самого Парижа! А ЯРОСЛАВ краснеет и молчит!

ВОВКА. Я разве виноват, что он краснеет?

ЯДВИГА. В-третьих, ты устроил драку.

ВОВКА. Как? Меня там даже не было!

ЯДВИГА. Попался! Значит, драка была! А то я смотрю, СЕРЕГА такой злой и взъерошенный домой полетел, даже за косичку дернуть забыл. Ясно! Ну, теперь Димке влетит.

ВОВКА. Почему ты решила, что он с Димкой подрался?

ЯДВИГА. Да, БАБА ЛЮБА обязательно родителям расскажет. Сегодня, к тому же пятница. А в пятницу Димкин отец, обычно как положено. Ремня точно не избежать.

ДИМА. Дальше рассказывать неинтересно. Меня выпороли за порванную рубаху, целый день не разрешали гулять и вдобавок заставили мыть посуду. Это, кстати, часть того самого, которое я не понимаю. Неужели, когда у меня будут дети, мне тоже придет в голову пороть сына, которого только что несправедливо побили? Или я все забуду и стану другим человеком?

ВОВКА и ОЛЯ. Дима! Дима! Дима!

БАБА ЛЮБА. Что вы, дуры, орете? Он наказанный, выйти не может. Кто это там? ВОВКА? Быстро верни наш пылесос! И вентилятор! Ой, у меня же борщ на плите! Ну дура!

ВОВКА. Оль, лучше ты одна кричи, а то БАБА ЛЮБА меня живьем съест. Я пока в укрытии посижу. Кричи! Ну, что замерла? ДИМА. ДИМА!

ОЛЯ. ДИМА! ДИМА! Дим! Дим! Дим!

ДИМА. Оль, не шуми. Мне нельзя из дома выходить. Потом потанцуем.

ВОВКА. Галя... Галя. Давай, повторяй. Галя!

ОЛЯ. Зачем Галя? Не Галя, а Дима.

ВОВКА. Если ты будешь кричать ГАЛЯ, то он точно тебе спляшет. Кричи!

ОЛЯ. Галя? Галя. Галя, Галя, Галя!

ДИМА. Оль, ты что? У нее окна на другую сторону дома. А зачем она тебе?

ВОВКА. Это не ей, это тебе зачем! Ярослав Галку в сад за гаражи гулять повел!

ДИМА. То, что мы называли садом, в действительности было узким пространством между стенкой гаража и глухим кирпичным забором фабрики. Удивительным образом там продолжали расти два дерева. И, если влезть в узкую щель за одно из них, то оказываешься огражденным со всех сторон стенами и стволами деревьев. Ни один взрослый уже не может увидеть тебя, а уж забраться тем более. Именно там СЕРЕГА курил, а ЯРОСЛАВ показывал Вовке неприличные картинки из заграничных журналов. Да и не только Вовке, мне тоже. И до сих пор мне почему-то стыдно, что я их тогда видел. Там, в саду, всегда происходило что-то такое, от чего потом долго горело лицо, и трудно было поднимать глаза на маму. Поэтому, когда я услышал Вовкины слова, я даже растерялся.

ВОВКА. Ярослав Галку в сад за гаражи гулять повел!

ДИМА. Зачем?

ВОВКА. А я-то, откуда знаю? Но Яга сама видела. Пришлось ей за эту информацию пять конфет отдать. Шоколадных!

ОЛЯ. Две! Не пять! Две! Две! Две!

ВОВКА. Не спорь, ты вообще еще считать не умеешь.

ОЛЯ. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Шесть... Восемь? Восемь. Восемь?

ВОВКА. Господи, как же трудно с детьми!

ДИМА. Этого разговора я уже не слышал. Когда до меня дошло, о чем мне сообщил ВОВКА, и я представил, что моя ГАЛЯ сейчас там с этим пижоном... Там! С ним! Моя ГАЛЯ. Невозможно описать, какие ужасные сцены возникли в моей фантазии! Я не мог этого допустить! Никак! Понятно, что БАБА ЛЮБА не выпустит меня из квартиры. У меня не было другого выхода, я плохо соображал и, встав на подоконник, выпрыгнул из окна. Правда, никакого особого героизма в самом этом прыжке не было. Мы жили на первом этаже. Но именно тогда я первый раз в жизни без спроса убежал из дома.

ЯРОСЛАВ. Знаете, Галина, вы снились мне прошлой ночью. Говорят, что в снах есть какой-то тайный смысл.

ГАЛЯ. А мне мама снилась. И еще розовые верблюдики. Но верблюдики были без горбов.

ЯРОСЛАВ. Интересный сон. А у меня, Галина, есть к вам предложение. Кем вы собираетесь стать в будущем?

ГАЛЯ. Как кем? Взрослой.

ЯРОСЛАВ. Ну, это понятно. А в личной жизни, что вы хотите?

ГАЛЯ. В личной? Не знаю. Я про нее еще не думала. Я пока куклу хочу с фарфоровой головой, как у Ядвиги.

ЯРОСЛАВ. Кукла, это вопрос решаемый. Я попрошу папу, и он привезет вам куклу прямо из Парижа!

ГАЛЯ. Из Парижа? Но он же в Монголии работает.

ЯРОСЛАВ. А это рядом. Точнее по дороге. Он всегда из Монголии через Париж едет. Я не понимаю, ты хочешь куклу или нет?

ГАЛЯ. Хочу. Только мама ругаться будет. Она не разрешает мне у чужих людей игрушки брать.

ЯРОСЛАВ. У чужих? У чужих, естественно нельзя. Но мы можем изменить наши отношения.

ГАЛЯ. Как изменить? Куда?

ЯРОСЛАВ. В этом весь смысл моего предложения!

ДИМА. Я стоял за деревом и подслушивал. Мне было стыдно. Но здесь, в саду, это не имело особенного значения. Как бы стыд не сжигал меня, уйти я все равно не мог. Но и вмешаться в их разговор у меня тоже не хватало смелости. К тому же, какое я имел право указывать Гале?

ЯРОСЛАВ. Галина! Я предлагаю вам свою руку и сердце!

ГАЛЯ. Зачем? Не нужно мне твоего сердца. У меня свое есть. Зачем мне два?

ДИМА. Она была очень странная. Если она не хотела что-нибудь понимать, то не понимала и все! Пытаться объяснить было уже бесполезно.

ЯРОСЛАВ. Я предлагаю не только сердце, но и куклу! Много дорогих красивых кукол с фарфоровыми головами! И еще, богатую жизнь с интеллигентным человеком при полном материальном благополучии!

ДИМА. Наверное, он говорил не совсем такими словами, но смысл я помню точно.

ЯРОСЛАВ. И все это за один поцелуй!

ГАЛЯ. Ты дурак? Сейчас как дам по башке, сразу целоваться расхочется!

ЯРОСЛАВ. Я не понимаю, если я тебе не нравлюсь, зачем же ты со мной в сад пошла?

ГАЛЯ. Захотела и пошла. А теперь не хочу. И не подходи ко мне больше!

Мне Димка нравится! Но если ты об этом кому-нибудь разболтаешь, я скажу Сереге и он тебе морду набьет. Кстати, а ты не знаешь, к чему снятся розовые верблюдики?

ЯРОСЛАВ. Не знаю.

ГАЛЯ. Тогда, пока!

ДИМА. Я втиснулся между деревом и стеной с такой силой, что разодрал новую рубаху и в кровь ссадил кожу на ребрах. Она меня не заметила. Дома меня снова пороли. Но я ничего не чувствовал. Наверное, мне было больно. Но обидно не было. Я знал, за что страдаю.

ОЛЯ. Дима! Дима! Дима! Танцуй! Дима!

ДИМА. Меня не выпускали во двор несколько дней. Возможно, это было к лучшему. Появилось время подумать. Но мысль у меня все равно была только одна, даже не мысль, а вопрос. Зато вопрос этот был тот самый!

ВОВКА. Дим! Послушай! Я окончательно пришел к выводу, что уют конструктивно необходим для звездолета! Дим! Ну, где ты? Я без тебя работать не могу!

ДИМА. Мне совсем не хотелось выглядывать в окно. Я лежал на диване, смотрел в потолок и думал. зачем Галя сказала обо мне Ярославу? Чтобы просто позлить его? Или я действительно ей нравлюсь? Ее спросить об этом нельзя. Сразу выяснится, что я подслушивал. Да и вообще как об этом можно спросить?

СЕРЕГА. Димон! Алле, Димон! Не прячься! С тебя полмороженого. Димон, выходи! Чего молчишь? Ладно, прощаю мороженое, так выходи! Димон!

ДИМА. Даже Серегу я тогда не боялся. Не до него было. Кроме того, после драки, я почувствовал, что он тоже кое-чего боится. Боится, что его перестанут уважать. Для него это было то самое.

ЯРОСЛАВ. Дмитрий! Дмитрий Сергеевич! Пожалуйста, перестаньте делать вид, что вы меня не слышите! Дмитрий! У меня к вам есть разговор!

Дмитрий, послушайте!

ДИМА. Не знаю, зачем он тогда меня звал. Я заткнул уши. Если бы он стал рассказывать мне про Галю, то я вынужден был бы вновь выпрыгнуть в окно и побить его. Но он не был Серегой, и драться с ним казалось унижительным.

ЯДВИГА. Димочка! Я знаю, о чем ты думаешь! Хочешь, я тебе расскажу кое-что? Димочка?

ДИМА. Только Баба Люба меня не трогала. Сидела и молча вязала. Как будто понимала, что со мной происходит.

ГАЛЯ. Димка! Посмотри, какой у меня бант! Димка, ты, почему гулять не выходишь? Димка!

ДИМА. Я лежал на диване и смотрел в потолок. Лежал и тупо смотрел.

БАБА ЛЮБА. Что ты, дура, лежишь? Не слышишь, тебя зовут? Иди бегом во двор!

ДИМА. Баба Люб, мне же нельзя. Я наказан.

БАБА ЛЮБА. Я тебе что сказала? Бегом гулять! И чтоб до вечера в дом не заходил! Куда побежал, дура? Утюг возьми, а то Вовка тебя все равно за ним отправит. И чтобы после полета сразу вернули!

ДИМА. Баба Люб...

БАБА ЛЮБА. Знаю, знаю. Небось, мороженого хочешь?

ДИМА. Да нет, не надо, Баба Люб.

БАБА ЛЮБА. Иди, пока я не передумала! Бегом! Ох, Митька, Митька.

ГАЛЯ. Ты чего такой дурной выскочил? Зачем тебе эта штука? Не подходи ко мне. У меня бант новый. Розовый, как верблюдики.

ДИМА. Подожди, Галь, при чем тут верблюдики? Ты же сама меня во двор звала. Я только к тебе вышел.

ГАЛЯ. Нет! Я тебя не звала. Ты гулять не шел, вот я и крикнула. Все кричали. Мне тоже захотелось. А теперь не хочется.

ВОВКА. Дим! Ну, наконец! И даже утюг спер! Герой! Я понял, ты его взял. Извини, я неправильно выразил свою мысль.

ДИМА. Держи, Баба Люба до конца полета его отдала. Подожди, Галь, ты только не уходи!

ВОВКА. Да, Галка, сначала попрощайся с великими покорителями Марса. Мы улетаем в четверг после обеда. Когда вернемся, пока точно не знаю.

ГАЛЯ. Ну и улетайте. Мне мама куклу с фарфоровой головой обещала купить. А на Марсе кукол нет. И вообще там ничего нет, так мама сказала.

ДИМА. Подожди, не уходи! Галь, там розовые верблюдики живут. Только у них горбов нет.

ВОВКА. С ума сошел? Какие могут быть на Марсе верблюды?

ДИМА. Заткнись! Есть там верблюды! Марсианские.

ГАЛЯ. Правда? Без горбов?

ДИМА. Да! Они ходят по красным горам и жуют синие космические колючки.

ГАЛЯ. Мне сон почти такой приснился. Розовые верблюдики без горбов. Значит, они правда бывают?

ДИМА. Конечно! Я тебе одного привезу, когда мы с Вовкой с Марса вернемся.

ГАЛЯ. Не надо, мне мама даже собаку взять не разрешила. А если я верблюда домой приведу, то она меня вообще на улицу жить выгонит.

ДИМА. Полетели тогда вместе с нами? Ты там сама сможешь верблюдику погладить. Полетели?

ВОВКА. Вот это исключено! Я запрещаю, как руководитель экспедиции! Никаких девочек на корабле!

ДИМА. Вов, подожди!

ГАЛЯ. И не надо! Летите сами! У меня бант новый. Пойду Ярославу покажу. И Ядвиге тоже! Отстаньте!

ВОВКА. Странная она. Разве к ней кто-то приставал? Дим, ты только не злись, только не злись.

ДИМА. Я готов был убить Вовку. Я даже сначала отобрал у него утюг. Но потом подумал и решил оставить его в живых. Экспедицию придумал он, звездолет построил тоже он, значит, ему и решать, кому можно с нами лететь, а кому нет.

ВОВКА. Ты сам посуди. Ну, как она с нами полетит? Она даже на качелях кататься боится. Представляешь, что с ней будет в космосе?

ДИМА. Представляю.

ВОВКА. И потом, от нее не будет никакой пользы в полете. Одни слезы! Лучше уж Ягу с собой взять. Она за пять минут все марсианские тайны и секреты узнает.

ДИМА. Ты это серьезно?

ВОВКА. Нет, конечно. И с верблюдами ты тоже перестарался. Вот прилетит она на Марс, выйдет, а там голая пустыня! Что ты ей тогда скажешь?

ДИМА. А вдруг они есть? Ну не просто же так они ей приснились.

ВОВКА. На той неделе ей рыбки говорящие снились. Нет там никаких верблюдов.

ДИМА. Ты уверен?

ВОВКА. Нет, не уверен. Но это ничего не меняет. На Марс летим только мы вдвоем. И все. Потому, что мы настоящие друзья. Согласен?

ДИМА. Согласен.

ВОВКА. Я рад, что не ошибся в тебе! Иди, готовься к полету, а мне еще над утюгом поработать надо.

ДИМА. Несколько дней я не мог подойти к Гале. Она играла то с Олей, то с Ярославом. Когда я проходил мимо, делала вид, что не замечает меня. И хотя я был ни в чем не виноват, заговорить боялся. Вот почему всегда так? Ты хочешь одного, а делаешь совсем другое. Я должен был поговорить с Галей, объяснить ей все, что я думаю, что переживаю. Признаться, наконец, что она мне нравится. Я уже почти собрался это сделать. Почти. И поговорил с Ядвигой!

ЯДВИГА. Димочка! А что это ты, вдруг, поиграть со мной захотел? Это же не просто так? Ты, наверное, что-то узнать хочешь?

ДИМА. Мне тут Баба Люба конфет дала.

ЯДВИГА. Баба Люба добрая.

ДИМА. Вот, решил тебя угостить, ну и позвал.

ЯДВИГА. Давай, спрашивай.

ДИМА. У тебя хвостик красивый, сама сделала?

ЯДВИГА. Показывай конфеты, а то я уйду. Меня на эти разговоры про хвостики не купишь. Ну, спрашивай, чего хотел.

ДИМА. Скажи, только честно, ГАЛЯ тебе настоящая подруга?

ЯДВИГА. Конечно! Она мне все про себя рассказывает. Еще конфеты есть?

ДИМА. Держи. А про меня она что говорит?

ЯДВИГА. Вкусные конфеты. Что говорит? Она про тебя ничего не говорит, она про Ярослава говорит. Пошли они тут недавно целоваться в сад, так он ей сто кукол пообещал.

ДИМА. И что?

ЯДВИГА. Да ничего, сто кукол ей мало. Ей еще розовые верблюды нужны. А они в Монголии не водятся. Только на Марсе.

ДИМА. Это она сказала?

ЯДВИГА. Она, а кто еще такую глупость сказать мог? ВОВКА убежден, что там сплошная пустыня. А Серега этот Марс вообще в гробу видел. А чего это ты про Галю спрашиваешь? Нравится тебе она?

ДИМА. С чего ты взяла? Ничего подобного. Просто она вместе с нами на Марс просилась, вот я выясняю, что к чему.

ЯДВИГА. Понятно. Ну, раз у тебя конфеты кончились, то я побегу.

ДИМА. Конечно, нужно было самому подойти к Гале и все объяснить.

Сказать, что хотя Вовка и руководитель экспедиции, но я все равно очень хочу взять ее на Марс. Если честно, то мне без нее вообще никуда лететь не хотелось. Я хорошенько подготовился, подобрал правильные, как мне казалось слова, и подошел к Гале. Они играли с Ярославом. Точнее, он раскачивал качели, а она визжала. Я подошел с самым независимым видом, посмотрел на Галю и сказал: «Ярослав! Подойди сюда, мне с тобой поговорить надо!» Почему я обратился к нему? Сам не знаю.

ЯРОСЛАВ. Дмитрий! Вы разве не видите, что я занят?

ГАЛЯ. Он занят! Он качели качает! Я скоро до неба долечу.

ДИМА. Как же мне хотелось дать ему в морду!

ЯРОСЛАВ. Я могу вас выслушать и здесь. Говорите, у меня от Галины секретов нет.

ГАЛЯ. У него нет секретов! Качай сильнее! Я лечу в небо! Мама-а-а!

ДИМА. Поговорить надо. Иди сюда! А то я как дам тебе в морду!

ЯРОСЛАВ. Одну минуту, Галина. Зачем в морду? Давай поговорим. Я же не против.

ДИМА. Я бы все равно его не ударил. Это была минута слабости. Стало обидно, что Галю раскачивает он, а не я. Вот и все. Да и сказать ему мне тоже было нечего.

ЯРОСЛАВ. Дмитрий, я вас слушаю. Не надо так агрессивно. Я всегда готов к диалогу.

ГАЛЯ. ЯРОСЛАВ! Я уже еле летаю. Давай в небо!

ДИМА. Иди. Качай. Потом поговорим. Иди, я сказал!

ЯРОСЛАВ. Галина! Я бегу!

ДИМА. Я не знал к кому обратиться за помощью. ВОВКА почти доделал звездолет. Он уже совсем не появлялся во дворе, а бесконечно торчал возле своей конструкции. А, увидев меня, клялся Андромедой, что в четверг мы улетим, и опять убежал за гаражи. Вот для него, этот полет точно был тем самым, чего он хотел. И то, что меня кое-что не устраивало, его не особенно интересовало. А для меня это кое-что было тем самым, без чего не имело

смысл все остальное. Вы скажете, мол, маленький мальчик. Ну, переживает свои детские чувства. Вот вырастет и поймет, что все это ерунда. Да, наверное, вы правы. Но, тогда меня этот довод никак не успокаивал.

СЕРЕГА. Оба-на! Димон, давно не виделись! Стоять не писаться!

ДИМА. Отстань, Серег! Я занят.

СЕРЕГА. Да ладно, чем ты занят? Сидишь, сопли жуешь?

ДИМА. Честное слово, Серег, не хочется мне с тобой сегодня драться. Нет настроения.

СЕРЕГА. А кто тебе сказал, что я с тобой драться буду? Я, может, наоборот мириться пришел.

ДИМА. Тогда зачем обзываешься?

СЕРЕГА. Я не обзываюсь. Про сопли, это так, чтобы разговор начать. А ты думал я с букетом роз к тебе мириться приду?

ДИМА. Нет, не думал.

СЕРЕГА. Ну ты чего такой дохлый, Димон? Из-за Галки что ли?

ДИМА. Откуда ты знаешь?

СЕРЕГА. Ядвига про это уже второй день всем по секрету рассказывает.

ДИМА. Про что? Про что, про это?

СЕРЕГА. Ну, что Вовка хотел Галку с собой на Марс взять, а ты не разрешил, потому, что она тебе не нравится. Галка обиделась, а вы с Вовкой поссорились. Теперь Вован один на Марс летит. Потом ты еще хотел Галку за это побить, но ее Ярослав защитил.

ДИМА. Но ведь все совсем не так было. Это неправда!

СЕРЕГА. Ты думаешь, я ей поверил? Ни капельки. Ярослав слабак, ты бы ему запросто накостылял.

ДИМА. А Галя? Галя поверила?

СЕРЕГА. Не знаю. Я их девчачьи разговоры не слушаю. Пусть болтают, нам-то с тобой что?

ДИМА. А то, что все наоборот было! Совсем не так. Это мне Галя нравится. А Вовка не разрешил. Но мы не ссорились! А теперь я вообще никуда лететь не хочу!

СЕРЕГА. Непонятно, но ясно. Тогда пойдя, да сам Галке все объясни. Она что не знает, что Ядвига врет сто раз в день?

ДИМА. Врет, но не все. Я, правда, сказал Яге, что мне Галя не нравится.

СЕРЕГА. Зачем?

ДИМА. А я откуда знаю? Взял и сказал!

СЕРЕГА. Ну и дурак.

ДИМА. Да не обзывайся ты, мне и так тошно.

СЕРЕГА. Ладно, не буду. Хочешь, я Ярославу в бубен дам, и он тебе мороженого принесет?

ДИМА. СЕРЕГА пытался меня поддержать так, как умел. Конечно, никакого мороженого мне не хотелось. Я вообще не знал, что делать. Тот самый четверг наступал через два дня. Вовке оставалось только кое-что подправить, и можно было лететь.

ОЛЯ. ДИМА! ДИМА! Дим! Дим! Дим!

ДИМА. Привет, Оль. Не могу я сейчас танцевать. Давай не сегодня?

ОЛЯ. ДИМА, не танцуй. Смотри! Бант розовый. Как Галя.

ДИМА. Ты хотела сказать, как верблюдики?

ОЛЯ. Нет! Не хотела. Я супер?

ДИМА. Конечно, ты очень красивая. Хочешь конфету? Бери, они вкусные.

ОЛЯ. Конфету – нет. Целуй!

ДИМА. Ты с ума сошла? Зачем я тебя целовать буду? Нельзя, мама а-та-та!

ОЛЯ. Мама ушла. Целуй! Целуй! Целуй! Целу-у-уй!

ДИМА. Ни тогда, ни сейчас, я не умел выдерживать девчачьи слезы. Чтобы их прекратить, я готов был на все!

ОЛЯ. Целу-у-уй!

ЯДВИГА. Как хорошо, что я вас встретила. Тебя, Оленька, мама уже целый час по двору ищет.

ОЛЯ. У-у-у! Яга! Яга! Яга! Бе-бе-бе!

ЯДВИГА. Иди за своим а-та-та, Олечка! А ты, Димочка, можешь больше к Галке даже близко не подходить. Она тебя ненавидит. А после этих поцелуйчиков совсем думать о тебе забудет.

ДИМА. Не целовал я ее! Тебе показалось.

ОЛЯ. Целовал! Врешь! Бе-бе-бе!

ДИМА. Уйди отсюда, прилипала! Достала ты меня! Иди, чего уставилась!

ОЛЯ. Сам достал! Врун!

ЯДВИГА. Как тебе не стыдно! Обидел девочку. Кстати, сейчас папа

ЯРОСЛАВ а ищет для Галки розовых верблюдов в Париже! Говорят, что там их полно.

ДИМА. Здесь можно ничего не объяснять. И так все ясно. Галю я потерял окончательно. Никакие оправдания помочь не могли. Я твердо решил улететь с Вовкой на Марс и остаться там жить. Даже, если вокруг будет одна пустыня или Марс лежит в гробу, в котором его видел СЕРЕГА. На Земле мне уже нечего было делать.

БАБА ЛЮБА. Ну куда ты, дура, собрался? Послушай меня старую. Мне не жалко вентилятор, пусть уют у вас останется, играйте на здоровье! Но зачем же ты все свои вещи в кули собрал, да во двор тащишь? В чем ты потом в школу ходить будешь?

ДИМА. Баба Люб, я тебя люблю. Без мороженого, просто так. Я завтра улетаю. На Марс. Назад не вернусь. Не до школы теперь. Дай я тебя поцелую на прощанье.

БАБА ЛЮБА. Погоди, Митька! Погоди маленько. Да как тебе сказать-то не знаю. Ты, что же, вправду веришь, что Вовкина абракадабра летать может?

ДИМА. Конечно. Я сам чертежи видел, расчеты. А что?

БАБА ЛЮБА. Дура ты, Митька. Такой большой мальчик, а все в сказки веришь. Не может летать старая ржавая кровать, ни с вентилятором, ни с уютгом. Не преодолет она силу гравитации. Тут реактивный двигатель

нужен. А его пока в отделе бытовых приборов не продают. Так что давай я твои вещи обратно в шкафчик развешу.

ДИМА. Мы полетим! Не ври!

БАБА ЛЮБА. Полетите, полетите. Только сначала нужно школу закончить, институт...

ДИМА. Сама ты дура! Я завтра лечу! Забирай свои тряпки, я голый на Марсе жить буду! И отстань от меня, я тебя ненавижу!

БАБА ЛЮБА. Ох, Митька, Митька. Хороший мальчик, не то, что мои оболтусы. Слова доброго от них не дождешься. Веры в них нету, а деньги считают. А кому все это нужно? В гробу-то у всех один костюмчик будет. Да и домик тоже небольшой. Каждому ровно по росту. Ой, дура я, дура, у меня же каша на плите!

ДИМА. Теперь у меня пропала последняя надежда. Я понял, что на Марс мы не улетим. Баба Люба, хоть и была совсем старой, но знала очень много. Она проработала всю свою жизнь на каком-то закрытом оборонном предприятии. Что они там делали, она не рассказывала никому, говорила, что это государственная тайна. Да и, вообще, во дворе никто в Вовкин звездолет не верил.

ВОВКА. Дим! Ты только не злился, только не злился. Я его опробовал без тебя. Он летает! Точно тебе говорю. Ну, я не уверен, что все получится еще раз, но он взлетел. Не высоко, пока, но поднялся.

ДИМА. Ты не врешь?

ВОВКА. Клянусь Андромедой! На метр поднялся, повисел минутку и упал. Ну, в смысле приземлился. Готовься к полету!

ДИМА. БАБА ЛЮБА сказала, что без реактивного двигателя мы никуда не улетим. А его у нас нет. Не бывает звездолетов, летающих на уютке и вентиляторе.

ВОВКА. Дим! Зачем ты все портишь? Я думал, что ты тоже веришь, как и я.

ДИМА. Какая разница, верю я или не верю? Все равно эта дурацкая кровать никогда никуда не денется! Так и будет ржаветь за гаражами, пока ее не сдадут в металлолом!

ВОВКА. Ты не понимаешь. В этом суть моего изобретения. Если мы с тобой будем думать, что звездолет взлетит, то никакой реактивный двигатель не понадобится. Нет ничего сильнее человеческой мысли!

ДИМА. Вот сам и лети со своими мыслями. Вернешься на Землю героем, а все тебе завидовать будут. Давай, отправляйся, я тебя здесь подожду.

ВОВКА. Дим, ты только не злился... Ты, ведь, предал меня сейчас. Одной моей мысли для полета мало. Мне нужен был друг. Который верит, так же, как я. А может и сильнее. Тогда у нас точно все бы получилось. Пойду. Меня давно обедать звали.

ДИМА. Что? Что?! Что вы все на меня смотрите? Я не прав. Я и сам знаю. Но так случилось, и изменить этого я сейчас уже не могу. В моей жизни вообще много такого, чего я хотел бы прожить заново и исправить. Но это то самое, что сделать невозможно. А тогда я решил пойти и утопиться. Я побежал к

реке, на набережную. Конечно, выходить из двора, мне было категорически запрещено. Но разве боится ремня человек, решивший покончить с жизнью?

СЕРЕГА. Оба-на! Димон, а что это ты делаешь на улице? Тебе батя, если узнает, точно накостыляет. Не писайся, я не разболтаю!

ДИМА. Серег! Хорошо, что я тебя встретил. Можно тебя об одной услуге попросить?

СЕРЕГА. Я дружбану всегда помочь готов. Кому-нибудь в пятак съездить? Так я, пожалуйста. Ты только скажи!

ДИМА. Да нет! Ты Гале передай, что она мне нравилась очень. Всегда.

СЕРЕГА. А чего, самому кишка тонка?

ДИМА. Ты издеваться будешь или помогать?

СЕРЕГА. Да скажу, скажу. Язык не отвалится. Мороженого хочешь?

ДИМА. Нет, не хочу. И еще. Ты Вовку защищай, если его обижать будут.

СЕРЕГА. А сам чего, хилый?

ДИМА. СЕРЕГА! Чтоб никто его даже пальцем трогать не смел! И над звездолетом его смеяться нельзя! Никому!

СЕРЕГА. Ладно, не кипятись! Димон, что с тобой?

ДИМА. Мне идти надо. Хороший ты парень, Серег! Жалко, что дурной.

СЕРЕГА. Ты куда, Димон? Дорогу осторожней переходи! Во, блин, какие дела. Гале сказать, Вовку защитить. Офигеть!

ДИМА. Когда я спускался по каменной лесенке к реке, мне казалось, что жизнь закончилась бесповоротно. Я плакал, выворачивая губы, вытирал сопли и причитал, как Баба Люба. Кроме известных вам проблем, мне вдруг вспомнились ненавистные девчачьи колготки в толстый рубчик, которые мама заставляла одевать зимой под шорты. А еще больше мне было жалко немецкую пластмассовую машинку, которую я случайно раздавил через пять минут после того, как мне ее подарили. Я чувствовал, что все плохо и не видел выхода! Меня спас Кука. Если бы не он, я не знаю, чем бы все закончилось. Он мне все объяснил.

КУКА. Ди?

ДИМА. Кука пропал еще утром. Мне хватало своих переживаний, и я про это забыл. Куку на самом деле звали Кириллом. Он всегда терялся. Даже в собственной квартире. А жили мы в удивительно красивом месте. В самом центре города. Посреди двора у нас даже был фонтан. Правда, он не работал. Но само его наличие всех жителей дома наполняло невероятной гордостью. Родители часто опускали детей в нишу пустующего фонтана и уходили.

Маленький ребенок никак не мог оттуда вылезти. Они были спокойны. Но КУКА смог. И ушел. Его искали с милицией. И вдруг я его встретил.

КУКА. Ми-ми-ми! А?

ДИМА. Он почти не умел разговаривать. Сидел, свесив ноги в реку, и сосал кулак. Мне стало неудобно, что я такой большой рыдаю, как девчонка, а он такой малыш, потерялся и мужественно сосет кулак. Я вытер слезы и уселся рядом с ним.

КУКА. Ди! Кака!

ДИМА. Действительно, в воде плавала всякая гадость. Топиться сразу расхотелось.

КУКА. Ди! Ла? Ла-ка?

ДИМА. Дела как? Дела не очень. Поругался я со всеми.

КУКА. Ись! Ись!

ДИМА. Легко тебе сказать, мирись. А как я к Гале подойду?

КУКА. Ин-ня! Ин-ня!

ДИМА. Извини меня можно говорить, если на ногу наступил. А тут чувства объяснять надо.

КУКА. Лю! Лю-лю-лю!

ДИМА. Тебе легко предлагать. Я ей скажу, что люблю, а она посмеется и Ядвиге разболтает. Весь двор потом издеваться будет.

КУКА. Лю-лю-лю!

ДИМА. Как наплюй? Хотя ты прав, хуже не будет. Серега уже знает, Вовка само собой. Да и не в этом дело. Ты, как думаешь, она меня простит?

КУКА. Гага! Га-га-га!

ДИМА. Не понял. Повтори еще раз.

КУКА. Ись! Ись! Ись!

ДИМА. Что ты заладил, извинись, да извинись? Хватит меня уговаривать. Я и сам уже все решил. Ладно, пойдем домой, а то там тебя уже с собаками ищут.

КУКА. Бака? Бака-бака-бака-бака-бака!

ДИМА. По дороге мы обсудили все, что меня волновало. Кука был абсолютно убежден, что Вовкин звездолет взлетит.

КУКА. Ит! Ит, ит, ит! Бака-бака! Лю-лю-лю!

ДИМА. Он тоже видел розовых верблюдов во сне и утверждал, что они живут именно на Марсе.

КУКА. Асе! Асе-асе! Лю-лю-лю!

ДИМА. Вообще, КУКА рассуждал очень правильно. Ему было стыдно, что он ушел от мамы. Он даже признался, что поступил, как плохой мальчик.

КУКА. Кака!

ДИМА. Во дворе никого не было. Я довел его до самой квартиры, позвонил в дверь и убежал.

КУКА. Мама! Лю-лю-лю! Бака-бака! Лю-лю-лю!

ДИМА. Мне было приятно слышать восторженные всхлипывания его мамы и удивленный голос участкового, пораженного тем, что такой маленький мальчик допрыгнул до звонка, но я спешил. Прежде всего, я должен был увидеть Вовку.

ГАЛЯ. Димка! Димка, стой. Ты куда бежишь?

ДИМА. Я Вовку ищу. Ты его не видела?

ГАЛЯ. Нет! Я Серегу видела. Он мне правду сказал?

ДИМА. Я не знаю, что он тебе сказал. Но, если он сказал тебе то, что я его просил, тогда правду.

ГАЛЯ. А что ты просил?

ДИМА. Да так, ничего особенного. Просто передать тебе кое-что, чтобы ты знала.

ГАЛЯ. Что знала?

ДИМА. То самое!

ГАЛЯ. А сам ты не мог мне сказать?

ДИМА. Мог. Я боялся, что смеяться будешь.

ГАЛЯ. Зачем мне смеяться, в этом ничего смешного нет. Говори теперь.

ДИМА. Зачем? Ты же уже все поняла.

ГАЛЯ. Ничего я не поняла. А даже если и поняла. Я услышать хочу.

ДИМА. Хорошо. Ты мне нравишься.

ГАЛЯ. Я тебе тоже кое-что сказать хочу. Только ты не смейся. Мне сегодня опять розовые верблюдики снились. Интересно, какие они на самом деле?

ДИМА. Про Вовку я вспомнил только поздним вечером, когда Галю позвали ужинать. Он сидел на кровати за гаражами и задумчиво крутил пропеллер вентилятора.

ВОВКА. Дим! Ты только не злись, я Серегу с собой в полет позвал. Он, хоть и говорит, что не верит, а лететь все равно согласился. Он вообще сегодня очень добрый. А мне одному на Марсе страшно будет.

ДИМА. Да пусть летит. Нам втроем веселее будет.

ВОВКА. Как? Ты летишь? Я знал, что не ошибся в тебе! Димка, дай я обниму тебя!

ДИМА. Подожди, Вов. Я, правда, тебя чуть не предал. Но теперь я все понял, и точно знаю, что мы обязательно долетим до Марса. Без реактивного двигателя, на одной силе мысли! Но, раз ты с собой Серегу позвал, можно я тоже с собой одного человека возьму?

ВОВКА. Нужно подумать. Во-первых, если твоя Галка начнет рыдать, то ты сам ей сопلي вытирать будешь?

ДИМА. Буду!

ВОВКА. А если она меня слушать не станет?

ДИМА. Станет!

ВОВКА. Ты уверен, что она...

ДИМА. Клянусь Андромедой!

ВОВКА. Хорошо, пусть летит.

ДИМА. ВОВКА, дай я тебя обниму!

ВОВКА. Подожди, Дим! Серегу я не от хорошей жизни в экспедицию включил. Но с ним уже решено. Нам теперь еще один человек нужен. Я бы так сказал, специалист.

ДИМА. Это ты на сантехника нового намекаешь? Тетенька из семнадцатой квартиры утверждает, что он мастер на все руки. Только как мы его уговорим?

ВОВКА. Дим, ты что? Зачем на Марсе сантехник? Нам разведчик нужен. Точнее разведчица.

ДИМА. Ты на кого намекаешь? Не отворачивайся. На нее? На Ягу?

ВОВКА. Я ни на кого не намекаю. Я констатирую факт. Нам нужна разведчица. У тебя какие кандидатуры?

ДИМА. Как я сразу не догадался. Она тебе нравится? Ты поэтому так ссорился с ней? Поэтому?

ВОВКА. Нет, ну если ты принципиально возражаешь, то я могу рассмотреть вариант с сантехником.

ДИМА. Нет, пусть Яга тоже Марс увидит. Я за!

ВОВКА. Дим, ты только не злись, пожалуйста. Можно я тебя обниму?

ДИМА. Завтрашний день не наступал очень долго. Целую ночь. Мне кажется, что я совсем не спал. Хотя, если бы я не спал, то как мне могли присниться розовые верблюдики? А они мне снились. Утром я слышал, как родители собирались на работу, как пришла БАБА ЛЮБА и оправдывалась за пропажу утюга и вентилятора. Она меня не заложила. Обещала порыться в кладовке, пожаловалась на память и села вязать носки. Потом запахло подгоревшей манкой, и она вошла в мою комнату.

БАБА ЛЮБА. Ох, Митька, Митька. Дура я, дура, что же я тебе наговорила, сама не знаю. Какой такой реактивный двигатель? Я же маленькая и сама летала, да потом забыла. Куда же я летала? Высоко. Облака белые, да местами как розовые. А я лечу, Земля внизу маленькая, люди крошечные, а мне то страшно, то смешно. Дура душой!

ДИМА. Баба Люб, я не сплю.

БАБА ЛЮБА. Вот и хорошо. А то каша давно готова. Я тебе вещички в путь собрала. Только ты обещаю, что вернешься, а то мои оболтусы уехали в свою за границу, да и не пишут совсем. Только ты у меня и остался.

ДИМА. До старта оставались считанные часы. Именно в тот момент я понял, как люблю Маму, Отца и Бабу Любу. Вот вы сидите и знаете, что никакого полета не будет. Глупости это все, детские фантазии. Я тоже теперь понимаю, что старая больничная кровать, чудом оказавшаяся в нашем дворе, не могла подняться в космос. Никогда! Но тогда-то я этого не знал. И до той самой вселенной можно было дотронуться рукой. Протяните руку, вот она, рядышком. Не верите? А вы протяните руку. Страшно показаться наивными? Я вас понимаю. Но это кое-что. Я сам Гале никак не мог в любви признаться. Боялся. Вы тоже трусите? Протяните руку, дотроньтесь до космоса. Это то самое!

ГАЛЯ. Димка, ты с кем там разговариваешь?

ДИМА. Вы еще помните, что в театре все обман? Она прекрасно знает, что я говорю с вами, но делает вид, что не понимает. Галя всегда так поступала. Понимала только то, что хотела.

ГАЛЯ. Я вещи собрала. Но мама спрашивает, когда я из космоса прилечу, вещи тоже вернуться целыми и чистыми? Иначе она их не разрешает с собой брать.

ВОВКА. Космический привет, собратья межпланетеры! Сегодня исторический момент. Экспедиция готова к старту. Мы станем первыми

покорителями планеты Марс. А это накладывает, это накладывает на нас высокую звездную ответственность. Высокую звездную ответственность.

ДИМА. Вовка явно готовил эту речь заранее. Слова лились из него, как из рога изобилия. Он говорил так пафосно и высокопарно, что сразу была видна его неуверенность. Он явно боялся, что ничего не получится. Речь была длинная, а от страха он повторял некоторые фразы по пять раз подряд. Я не знал, как его остановить. Но на наше счастье пришел Серега.

СЕРЕГА. Вован! Хорош балаболить. Давай грузиться, космонавты. А то скоро ужинать пора, а мы все еще на Земле торчим, как последние олухи.

ВОВКА. Подождите, экспедиция не в полном составе. Не все межпланетёры прибыли. Ядвиги нет.

СЕРЕГА. И что? Теперь из-за нее на Марс не лететь что ли?

ГАЛЯ. Сереж, не вредничай. Ты, ведь, тоже опоздал.

СЕРЕГА. Я, между прочим, для вас электричество искал. А то, как бы вы все свои приборы подключили? Вован, держи провод.

ВОВКА. Молодец! Дай я тебя обниму!

СЕРЕГА. С ума сошел? Держи пять, нечего ко мне с телячьими нежностями лезть.

ДИМА. Ну, ты даешь, Серег! Ты его откуда тянешь?

ЯДВИГА. Он в семнадцатой квартире подключился. Новый сантехник ему за бутылку разрешил. А водку он дома спер у старшего брата из заначки.

СЕРЕГА. Не понял, это кто тебе рассказал? Никто же не видел!

ВОВКА. Я же говорил, что она специалист! Ну, раз все в сборе, давайте всходить на звездолет! Исторический момент настал!

ОЛЯ. ДИМА! Вова! А я? Я тоже! Я тоже с вами! Ну пожалуйста-а-а!

ДИМА. Оль, иди домой. Мама а-та-та!

ОЛЯ. Пусть а-та-та! Пусть, пусть, пусть. Не боюсь! Ну пожалуйста-а-а!

ВОВКА. Решайте сами.

ГАЛЯ. Дим, возьми ее. А то она никогда в жизни розовых верблюдишек не увидит. Жалко ее.

ДИМА. Ну, раз ты так считаешь.

СЕРЕГА. Хватит сырость разводить. Залезай!

ЯРОСЛАВ. Товарищи! Подождите минуточку, я хотел обратиться к вам с просьбой. Поймите меня правильно, я не могу оставаться один. Никак не могу. Я на Марс хочу.

ГАЛЯ. Ты же в Париж завтра собирался уезжать?

ЯРОСЛАВ. Я передумал. Тем более, что мы не в Париж, а к тетке в Житомир должны ехать. А про Париж я так, для романтики сказал. Соврал. Но я больше не буду, честное слово!

ДИМА. Я не против. Пусть летит. Он монгольский знает. Мы же не знаем, на каком языке марсиане говорят. Если что, он переведет.

ВОВКА. А ты веришь, что звездолет взлетит?

ЯРОСЛАВ. Конечно! А что, кто-то сомневается?

СЕРЕГА. Лезь уже! Достали вы меня своим трепом!

ЯДВИГА. Заметьте, я молчу.

ВОВКА. Тихо! Все готовы? Соберите волю в кулак. Сосредоточьтесь на мыслях о Марсе. Включаем аппаратуру. Начинаем отсчет.

ОЛЯ. Я! Я-я-я! Десять, девять, восемь... Восемь. Восемь?

СЕРЕГА. Мы так никогда не взлетим!

Все. Семь! Шесть, пять, четыре, три, два, один...

ВОВКА. Пуск!

СЕРЕГА. Чего-то мы не летим.

ВОВКА. Да, действительно. Оставайтесь на своих местах, я проверю аппаратуру.

ЯРОСЛАВ. Спокойно, товарищи, не волнуйтесь. Заминки очень часто бывают при старте космических кораблей. Я не вру, я сам в одном заграничном журнале читал.

СЕРЕГА. Ага! Видел я тот журнал!

ГАЛЯ. Мальчики! Потерпите минуту. Даже Ядвига молчит.

ЯДВИГА. Я концентрирую волю.

ОЛЯ. И я! Я тоже!

ВОВКА. Не беспокойтесь, я устранил неполадку. Перекосился утюг в шлюзовом отсеке корабля. Именно это помешало успешному старту. Теперь все в порядке. Готовы?

ВСЕ. Да!

ВОВКА. Начинаем отсчет.

Все. Десять, девять...

ОЛЯ. Восемь!

Все. Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

ВОВКА. Поехали!

СЕРЕГА. Опять та же фигня. Может, после ужина попробуем?

ВОВКА. Нет! Нет, я сказал! Сейчас или никогда.

ДИМА. Вов, ты только не злись, только не злись. Что теперь-то не так? Опять утюг?

ВОВКА. Да нет, аппаратура в норме. Но основной двигатель нашего корабля – человеческая мысль! Кто-то не верит, что мы взлетим, и это мешает полету. Пока все не поверят, мы не оторвемся от Земли!

СЕРЕГА. Так. Сейчас у меня кто-то получит в башню. Кто не верит? А?

ОЛЯ. Это не я. Не я, не я, не я!

ЯРОСЛАВ. Во мне тоже можете быть уверены. Я теперь не вру. С сегодняшнего дня и навеки!

ЯДВИГА. А я сконцентрировала всю свою волю. Думаю только о Марсе. Не мешайте.

СЕРЕГА. Остальных вопрос тоже касается!

ГАЛЯ. Не груби, Сереж! Мне самой интересно, когда мы до верблюдишек долетим. Но я же терплю!

СЕРЕГА. Вован, а ты сам-то уверен в результате?

ВОВКА. Я сомневаюсь, как и положено ученому. Но это не значит, что я не верю!

ДИМА. Может просто маловато сил у нашей мысли? Может, помощь нужна?

ВОВКА. Это ты кого имеешь в виду?

ДИМА. Я мог бы Бабу Любу позвать. Ну, так, для поддержки. Она тоже в детстве летала.

СЕРЕГА. А я сантехника, он после принятого, во что хочешь поверит!

ВОВКА. Вряд ли это поможет. Давайте полетим завтра. Или через неделю. Я еще над чертежами поработаю. Аппаратуру подберу. Ну и вообще... Давайте потом?

ГАЛЯ. Ребята, посмотрите, Кука идет!

СЕРЕГА. Опять от мамки сбежал! Рецидивист!

ДИМА. Вот кто нам нужен! Если он захочет на Марс, то мы обязательно взлетим. Уж он-то не соврет!

ГАЛЯ. КУКА! Хочешь с нами в космос?

КУКА. Ос! Ос-ос! Бака-бака! Лю-лю-лю!

СЕРЕГА. Ну и чего он сказал?

ЯРОСЛАВ. Он ответил, что готов. Монголы тоже всегда так непонятно разговаривают.

ДИМА. Командуй, Вовка! Теперь точно получится!

ЯДВИГА. Моя воля достигла максимальной концентрации.

КУКА. Ись! Ись! Ись!

ВОВКА. Что значит это ись?

ГАЛЯ. Может быть, он говорит, что пора ввысь?

СЕРЕГА. Вован! Или командуй, или, если не веришь, вылезай. Нам с Кукой Марс до ужина увидеть охота.

ВОВКА. Всем на старт! Занять места согласно должностным обязанностям. Мы отправляемся на Марс. Начать отсчет!

Все. Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

ГАЛЯ. Мама!

КУКА. Бака-бака! Лю-лю-лю!

ДИМА. Вы, конечно, скажете, что ни на каком Марсе мы не были. Это ваше право. И розовые верблюдики там жить, конечно, не могут. Не хотите верить, не верьте. Я и сам, когда вырос, засомневался кое в чем. Но то самое я помню очень хорошо. До вселенной мы доставали, даже не вставая на цыпочки. Стоило только поверить. И протянуть руку. А на Марсе росли огромные синие колючки, упирающиеся верхушками в блестящее черное небо. А между ними длинными караванами брели розовые большеглазые верблюды. Галя целовала их в теплые носы, а они говорили ей, что она самая лучшая на свете. Это было именно то самое. Потом, к сожалению, наш двор расселили. Нас развезли по разным новостройкам на окраинах города. И я никогда больше не видел друзей межпланетеров. Пошел в школу в Теплом Стане, вырос и живу там до сих пор. Теперь у меня другое то самое. Оно вообще у всех свое, личное, особенное. Но жить без него нельзя. Что-то я еще хотел

вам сказать. Вы уже выключили мобильные? Хотя, теперь это уже точно не имеет смысла. Я думаю, что сегодня вообще никакого спектакля не будет. Это потому, что в театре все вранье! Меня на самом деле не Димой зовут, и история эта не про меня. А еще, автор пьесы просил передать, что его детство тоже было совсем другим. Но на Марсе он бывает по средам. Будет время, залетайте. Помните, я сказал, что, когда вас обманут, вы будете хлопать? Так вот, пора! Обман закончился. Началась реальная жизнь.